

14 (27) февраля

Священномученик
Онисим (Пылаев),
епископ Тульский

Священномученик Онисим родился 5 сентября 1872 года в деревне Марково Белозерского уезда Новгородской губернии в семье псаломщика Владимира Пылаева и в крещении был наречен Михаилом. В 1896 году Михаил окончил Новгородскую Духовную семинарию и стал служить псаломщиком в крепостной церкви в городе Карсе. В 1904 году он был рукоположен во священника и назначен священником 4-го стрелкового полка. В 1904 году началась война России с Японией, и 4-й стрелковый полк должен был отправляться на фронт в действующую армию. Отец Михаил отрицательно относился к начавшейся войне, считал, что для народа непонятны смысл и задачи войны и уже поэтому последствия ее могут оказаться тяжелыми. Своих взглядов он не скрывал, и начальство отозвало его с фронта, назначив священником 37-го Екатеринбургского полка. Но когда началась война 1914 года, он вместе с полком отправился на фронт и прошел со своей паствой – солдатами – всю войну. Был возведен в сан протоиерея.

В январе 1918 года отец Михаил приехал в Нижний Новгород; начиналась гражданская война, и его мобилизовали в Красную армию, где он был сначала письмоводителем 1-й бригады, а затем казначеем Нижегородской дивизии, которая сначала была отправлена на Южный фронт, а затем на Северный; здесь он пробыл до августа 1919 года. В 1919 году отец Михаил был назначен председателем ликвидационной комиссии 11-й Нижегородской стрелковой дивизии и выбыл к месту ее формирования в Нижний Новгород. По окончании дел, связанных с роспуском дивизии, он поступил на службу в военную губернскую коллегия в качестве управделами.

В 1920 году протоиерей Михаил подал прошение Нижегородскому архиепископу Евдокиму (Мещерскому), в котором писал: «Получив приглашение от приходского совета Свято-Троицкой Верхне-Посадской церкви занять место священника Верхне-Посадской церкви, оставшееся вакантным после смерти протоиерея Николая Фаминского, я согласился, а потому прошу Ваше Высокопреосвященство, если с Вашей стороны не встречается препятствий, назначить меня на указанное место». Отец Михаил объяснил далее в прошении, что поскольку он и живет в районе этого прихода, и ему часто приходилось служить в этой церкви, то и с приходом он немного знаком.

Протоиерей Михаил был назначен священником в Свято-Троицкую церковь. Во время возникновения в 1922 году обновленческого раскола, когда обновленцы проявили себя как активные противники православия, причем одним из центров раскола стал Нижний Новгород, в котором архиепископ Евдоким возглавил обновленчество, протоиерей Михаил стал энергичным противником раскола, чем вызвал немалую ненависть у обновленцев.

В декабре 1924 года некоторые священники Нижнего Новгорода, ощутив необходимость в апологетической литературе, чтобы иметь возможность давать достойные ответы во время различных диспутов, которые устраивали безбожники, решили собраться и обсудить, что возможно здесь сделать.

10 декабря несколько священников собралось в квартире у протоиерея Михаила Пылаева. Обсудив положение, они решили, что необходимо заняться изучением хотя бы тех апологетических вопросов, по которым у них есть необходимая литература, а затем каждый должен будет составить конспект на определенную тему и зачитать его собравшимся священникам.

Пастыри стали обсуждать эти вопросы и с другими людьми, и дело довольно быстро дошло до секретного осведомителя ОГПУ, который 22 декабря сообщил в ОГПУ, что в Нижнем Новгороде «организован кружок духовенства, имеющий своей целью изучение апологетической литературы на предмет опровержения состоятельности марксизма как учения и борьбы с атеизмом»; с этого времени за участниками кружка было установлено наблюдение.

Второй раз священники собрались 5 января 1925 года, на этой встрече присутствовали также митрополит Сергей (Страгородский) и епископ Леонтий (Устинов). Прихожанин храма, в котором служил отец Михаил, преподаватель техникума, окончивший Санкт-Петербургский университет, прочел присутствующим лекцию на тему «Марксистский материализм». 15 января священники собрались на квартире автора лекции и он здесь прочел ее вторично. В следующий раз священники собрались 5 февраля, и была прочитана лекция о происхождении мира. Следующая встреча состоялась 26 февраля, здесь священниками читались лекции на темы: «Религия и нравственность», «Спор о Боге», «Буддизм и христианство». Среди других присутствовали митрополит Сергей и епископ Макарий (Знаменский). Митрополит Сергей высказал пожелание, чтобы на основе этих лекций устроить курсы для духовенства. Вечером все участники лекций были арестованы сотрудниками ОГПУ и заключены в нижегородскую тюрьму.

28 февраля следователь допросил протоиерея Михаила. Отвечая на вопросы, отец Михаил сказал:

– 10 декабря прошлого года у меня на квартире собралось несколько человек духовенства и за стаканом чая беседовали о способах борьбы с безбожием, о необходимости духовенству высказываться на диспутах и как это делать и что для этого необходимо.

– Какая цель ваших собраний? – спросил его следователь.

– Исключительно знакомиться с вопросами, затрагиваемыми современным антирелигиозным движением, – ответил священник.

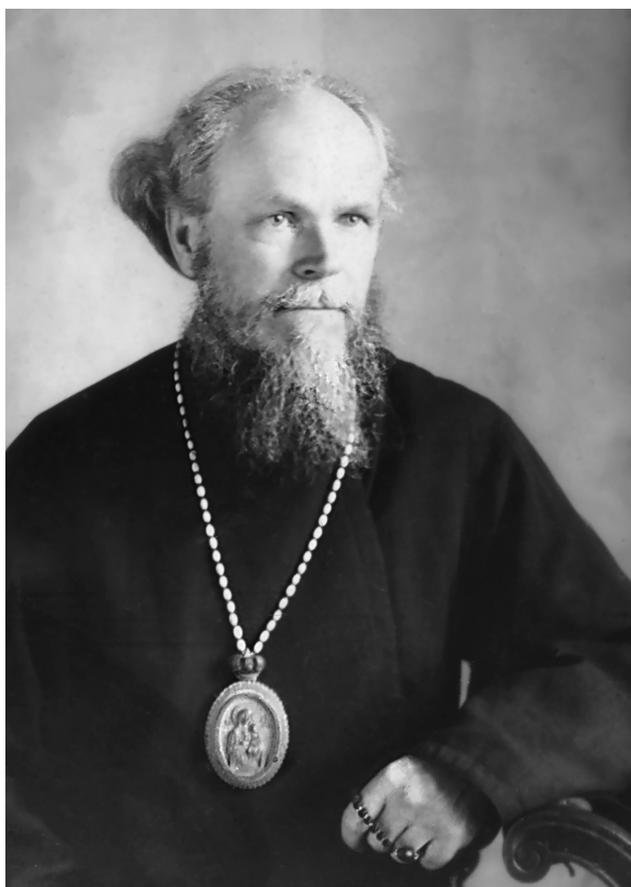
– Не возникает ли у вас мысль, что ваши собрания носили организованный нелегальный характер?

– Об этом совершенно не думал. Я предполагал, что такие товарищеские беседы не носят характера собраний.

3 марта отец Михаил был снова допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Инициатором или побуждающим началом наших товарищеских бесед по вопросам антирелигиозным были верующие миряне. После каждого антирелигиозного диспута ко мне приходили верующие с вопросом, почему духовенство не выступает на диспутах в защиту религии. Это же я слышал и от других священников. Все это и побуждало нас собраться для беседы по означенным вопросам. После беседы мы пришли к заключению, что духовенству нужно выступать на диспутах в защиту религии. Никаких планов на будущее не составлялось».

В марте 1925 года сотрудники Нижегородского ОГПУ, позвонив в Москву начальнику 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучкову, получили от него согласие на ликвидацию церковного кружка.

18 марта находящиеся под стражей священнослужители написали заявление Нижегородскому губернскому прокурору: «Все обвиняемые чистосердечно показали, что, действительно, они собирались друг к другу. Характер собраний был случайный, причем состав разнообразный, и некоторые из участников аресту подвергнуты не были. За стаканом чая беседы были разнообразного характера: о пассивах, церковных службах, современном безбожии и маловерии, о церковных диспутах... На всех допросах и речи не было о контрреволюционности наших бесед и собраний, – допрашивавшим был очевиден только религиозный характер наших бесед. Никаких оснований для 62-й статьи не было указано... О чудовищности настоящей статьи в применении к нашему проступку мы смело можем говорить потому, что не только на инкриминируемых собраниях, но и ранее мы никогда, ни в отдельности, ни вместе, не занимались политическими вопросами и не сделали ни одного жеста, враждебного рабоче-крестьянской власти.

Епископ Воткинский Онисим

Находя новые несоответствия совершенного нами проступка (случайные беседы на религиозные темы без разрешения власти) с 62-й статьей уголовного кодекса, а также принимая во внимание высказанное нам, что наше дело не будет передано в губернский суд, а будет направлено в Москву для судебного рассмотрения в Коллегии, мы просим Вас передать наше дело в следственную

часть Нижегородского губернского суда, дабы последний мог беспристрастно рассмотреть его и вынести справедливое решение».

27 марта 1925 года все находящиеся под стражей и, в частности, протоиерей Михаил были освобождены из тюрьмы под подписку о невыезде из Нижнего Новгорода.

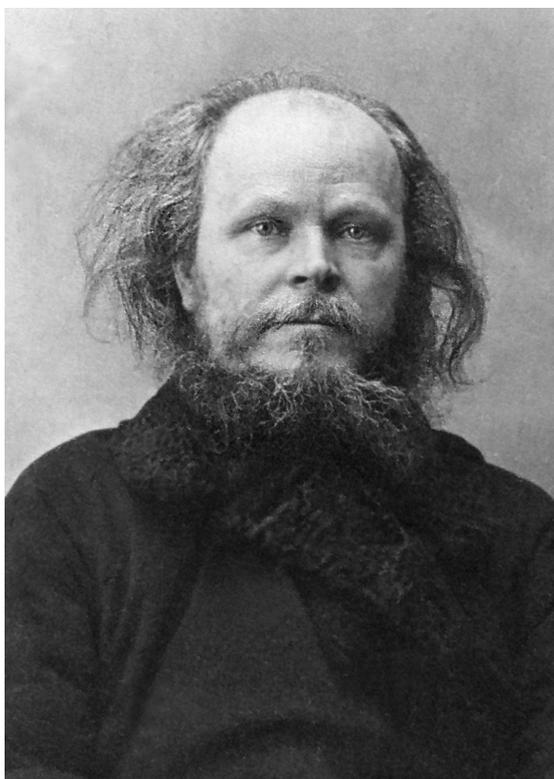
28 марта 1925 года протоиерей Михаил после пострижения в монашество с именем Онисим был хиротонисан во епископа. Хиротонию возглавил митрополит Нижегородский Сергей.

В марте 1926 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором было написано, что «священник Пылаев... виновен в том, что, являясь руководителем тихоновщины в 1922 году и поэтому пользуясь популярностью среди тихоновщины за свою стойкость и верность этому течению... организовал нелегальный кружок духовенства. На его квартире было устроено первое собрание кружка...»

26 марта Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило владыку к лишению «права проживания в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и Нижегородской губернии сроком на три года».

Епископ Онисим избрал местом жительства Воткинск, расположенный относительно недалеко от Нижнего Новгорода, и 26 апреля 1926 года был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) епископом Воткинским. 23 декабря 1927 года в связи с 10-летним юбилеем революции срок ограничения прав для епископа был сокращен на одну четверть.

В 1927 году Сарапульское ОГПУ произвело массовые обыски у духовенства в Воткинске в поисках послания, которое распространялось от имени архиепископа Сарапульского Алексия (Кузнецова).

*Епископ Онисим.
Сарапульская тюрьма. 1928 год*

30 декабря 1927 года в доме священника Александра Бирюкова, секретаря епископа Онисима, был произведен обыск, во время которого было найдено 16 номеров журнала «Вера и жизнь», издававшегося в Латвии. Журналы были посланы по почте неким священником из Латвии в Москву и, в конце концов, попали к отцу Александру на прочтение. 27 января 1928 года отец Александр был вызван в Сарапул в ОГПУ и арестован. 4 февраля власти арестовали епископа Онисима и он был заключен в тюрьму в городе Сарапуле и обвинен в «распространении нелегальной литературы контрреволюционного характера».

5 февраля епископ отправил прокурору письмо, в котором писал, что считает обвинение «безосновательным, потому что журналы прошли через таможенную, следовательно, допущены к хранению и чтению в СССР... В силу означенных обстоятельств, прошу товарища прокурора затребовать в порядке надзора дело, рассмотреть его и, если нельзя будет совершенно прекратить дело до окончания расследования и до получения справки из московской таможни, то, во всяком случае, изменить меру пресечения до суда на время следствия... В крайнем случае, если даже это мое деяние (...просмотр журналов, хотя и заграничных, но все же легальных, как прошедших через таможенную) все же составляет почему-либо преступное деяние, то оно, как совершенное в июле прошлого года, когда была получена в Воткинске посылка, подходит под амнистию по случаю 10-летнего юбилея Октябрьской революции и дело должно быть на основании 4-й статьи УПК прекращено».

17 марта следствие было закончено, и следователь в составленном им обвинительном заключении написал: «Обнаруженные журналы и анонимное обращение носят ярко выраженный антисоветский характер, в которых реакционное духовенство задалось целью оклеветать Советский Союз, который якобы, несмотря на существующие изданные законы об отделении Церкви от государства, старается под видом искоренения церковной контрреволюции проводить политику гонения на религию вплоть до полного ее разгрома и заполнения тюрем служителями религиозного культа без всяких на то оснований... и в настоящее время создает искусственно группировки в виде обновленческо-синодального течения посредством поголовного участия в этой группировке под видом священников – агентов ОГПУ».

22 июня 1928 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Онисима к трем годам заключения в Соловецком концлагере. Владыка прибыл туда в то время, когда там находилось более полутора десятка православных архиереев, множество священников и мирян. На епископа лагерным начальством была возложена обязанность зажигать маяк, что было непросто: надо было в утлой лодчонке в любую погоду плыть к маяку, часто по непогоде ложась на дно лодки, и, приплывая туда продрогшим и замерзшим и не имея, где отогреться, зажигать огонь на маяке и возвращаться.

Перед окончанием срока заключения в лагере – 3 января 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа к трем годам ссылки в Северный край, и из Соловков он сразу же был направлен в Архангельск, где и поселился в качестве ссыльного, зарабатывая на жизнь работой в госфотографии.

За девять месяцев до окончания срока ссылки, 7 мая 1933 года, епископ Онисим направил митрополиту Сергию письмо, в котором он описывал свое тяжелое физическое состояние и болезни и просил исходатайствовать перед властями его досрочное освобождение «по старости и неспособности к труду». 25 мая это письмо попало к одному из начальников ОГПУ. 10 августа 1933 года

Особое Совецание при Коллегии ОГПУ постановило досрочно освободить епископа. В том же году митрополит Сергей назначил епископа Онисима на Тульскую кафедру.

Епископ Онисим деятельно приступил к управлению Тульской епархией, принимая священников у себя на квартире, ставшей и жилищем его, и епархиальным управлением; узнав, что где-то в приходе нет священника, владыка сразу же направлял туда священника, только чтобы храм не был закрыт; в тех случаях, когда власти не давали регистрации священнику или забирали ее, требуя, чтобы тот покинул приход, он находил другого священника, лишь бы не допустить закрытия храмов. Бывали случаи, когда руководство колхоза, не закрывая формально храм, сыпало в него зерно, и тогда епископ благословлял священника совершать богослужения на паперти. Но, несмотря на все эти меры, храмы закрывались один за другим, и владыка прикреплял священников к еще остающимся открытыми храмам, решив, что оставит всех священников в епархии, даже если из всех храмов в епархии власти оставят один. Священников, оставшихся без приходов, епископ благословил совершать по возможности богослужения в домах прихожан. Всем возвращающимся из лагерей и ссылок священникам владыка старался дать место в храме, но когда это было по каким-либо причинам невозможно, он давал рекомендательные письма к архиепископу Рязанскому Иувеналию (Масловскому) или епископу Скопинскому Игнатию (Садковскому) с просьбой принять священника к себе и дать приход.

Владыка часто служил и за каждым богослужением говорил проповеди, призывая к проповеднической деятельности и духовенство, из-за чего иной раз входил с некоторыми священниками в конфликт, так как они отказывались проповедовать, оправдываясь гонениями и тем, что любую проповедь власти могут истолковать превратно. Владыка уговаривал священников по мере возможности не отказываться от проповеди, от просвещения народа словом, так как при отсутствии религиозного образования народ все более погружался во тьму невежества.

18 декабря 1935 года епископ Онисим был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Вместе с ним было арестовано духовенство, служившее как в самой Туле, так и в селах, а также монахи и миряне. Свидетели по его делу, большей частью из самого арестованного духовенства, показали, что епископ говорил о тяжелой жизни верующих в заключении и ссылке и призывал оказывать деятельную помощь заключенному в концлагеря духовенству.

«Архиерейские службы, – показал один из священников, – по указанию епископа Онисима совершались в строго монастырском духе, устраивались торжественные соборные службы, на которые привлекалось духовенство из других храмов, даже из других епархий. Каждая служба сопровождалась проповедями, причем проповеди говорились по указанию архиерея. Я лично сам неоднократно говорил епископу Онисиму, что надо прекратить проповеди, но он настаивал, чтобы говорить их. Сам лично он также говорил проповеди. Так, например, в апреле 1935 года Пылаев за вечерним богослужением в церкви Ильи Пророка говорил: “Евреи, как дикие звери, набросились на Христа и кричали “распни, распни Его”, евреи своими дикими криками требовали от Пилата, чтобы он предал Христа смерти. Христос, окровавленный, стоял перед толпой. Кого же вы выберете – Христа или Варавву, куда вы пойдете?” Кроме того, епископ Онисим ежедневно за каждой архиерейской службой поминает по старой

монархической форме: “на брани убиенных воинов, за веру и отечество живот свой положивших”».

Священники показали, что епископ служил в домах верующих молебны, а также совершил в храме постриг в монашество.

Епископа Онисима стали допрашивать сразу же после ареста, и допросы длились в течение двух месяцев.

– Какие цели вы преследовали, организуя тайные богослужения на квартирах верующих и духовенства?

– Я, как епископ, разрешил подведомственному мне духовенству совершать на квартирах верующих и в квартирах духовенства всевозможные требы и богослужения.

– Следствию известно, что в городе Туле существует контрреволюционная организация духовенства и церковников, в составе которой были и вы. Объясните, в чем выражалась ваша непосредственная контрреволюционная организационная деятельность?

– Никакого участия в организационной и вообще в контрреволюционной деятельности я не принимал и о том, что существовала контрреволюционная организация, не знал.

– Следствию известно, что вами лично и священнослужителями с вашего разрешения производились нелегальные богослужения у прихожан на квартирах. Вами лично с участием других священнослужителей проводились нелегальные пострижения в монашество. Считаете ли вы, что все эти факты нарушают существующие советские законы?

– Лично мною были совершены два водосвятных молебна на квартирах верующих, но я их нелегальными не считаю. Священнослужители совершают богослужения и требы на квартирах у верующих самостоятельно, не спрашивая на это разрешения моего как епископа. Все эти богослужения, которые проводились мною или священнослужителями с моего разрешения, я не считаю противоречащими советским законам, так как они совершаются везде и всюду. Что касается пострижения в монашество, то я его действительно совершил, но я не считаю это противоречащим советским законам.

– Следствие располагает данными о том, что вы во время своего служения в церкви произносили проповеди антисоветского характера. Когда это было и каково содержание этих проповедей?

– Проповеди я действительно произносил, но они не носили антисоветского характера.

– Следствием установлено, что вы концентрировали вокруг себя духовенство, прибывающее из ссылки, разрешали этому духовенству служить в церквях, в то время как эти лица не регистрировались в местных советских органах. Считаете ли вы, что этим нарушили советские законы и создали благоприятную почву для группирования вокруг вас контрреволюционного элемента?

– Никакой концентрации вокруг меня духовенства, прибывающего из ссылки, не было. Ко мне, как к епископу, обращались многие возвратившиеся из ссылки за получением места, и по мере возможности я их удовлетворял, давая места в сельских приходах. Было несколько случаев, что я разрешал служить вместе со мною прибывшим из ссылки, которые не имели разрешения на службу в Туле от культкомиссии и не были последней зарегистрированы. Однако же, несмотря на то, что я разрешил служить вместе со мною духовенству,

прибывшему из ссылки, которое не имело на это право, я не считаю, что этим я нарушил советские законы.

– Какие указания вы давали обращающимся к вам священникам по поводу отношения их к верующим колхозникам?

– Никаких специальных поручений приходившим ко мне священникам по отношению к верующим колхозникам я не давал. Но были случаи, что приходившие из сел Тульской епархии священники докладывали мне, что большинство прихожан вступило в колхоз, что они теперь не имеют возможности посещать церковь, а вследствие этого доходы священников сократились, стало трудно жить, нечем платить налоги; при этом просили перевести их в более доходные приходы, и, если была возможность, я их переводил, а если не было возможности, то я советовал подать мне заявление и ждать, пока освободится место. Кого я переводил по этим причинам в другие приходы, сказать не могу.

– Изложите содержание антисоветских разговоров, происходивших между вами и приходившими к вам священниками.

– Я лично антисоветских разговоров никогда не проводил, также не было антисоветских разговоров и со стороны приходивших ко мне священников, но бывали случаи, когда священники жаловались на незаконные, по их мнению, действия местных властей, на обложение их налогами, на неправильное закрытие церквей, без соблюдения соответствующих законов, и просили моих советов. В большинстве случаев я советовал им на неправильные действия местных властей жаловаться в культкомиссию Мосисполкома. В некоторых случаях при закрытии храмов переводил священников на другие приходы.

1 апреля 1936 года следствие было закончено. Епископ Онисим был обвинен в том, что, «пользуясь положением правящего епископа, группировал вокруг себя контрреволюционное духовенство и церковников, совместно с которыми занимался контрреволюционной деятельностью – подготавливал переход Церкви на нелегальное положение, распространял ложные контрреволюционные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих, обрабатывал молодежь в антисоветском духе, организовывал материальную помощь ссыльному духовенству, находящемуся в ИТЛ за контрреволюционную деятельность...»

16 апреля 1936 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило епископа Онисима к пяти годам ссылки в Северный край. Он был сослан в город Каргополь Архангельской области и поселился на его окраине в небольшом деревянном доме, в котором им была устроена домашняя церковь. Хозяева дома были глубоко верующие люди, с начала гонений принимавшие у себя ссыльное духовенство, и бывало, что здесь сразу жило по нескольку священников, которым хозяева всегда отводили отдельную комнату. Давая приют ссыльному духовенству, принимая исповедников Христовых и праведников, они, не будучи ссыльными сами, получали награду исповедников Христовых.

Недолго пришлось прожить епископу Онисиму в ссылке, поднялось очередное гонение на Церковь, и в Рождественский сочельник, 6 января 1938 года, он был арестован и заключен в тюрьму в городе Каргополе. Через все годы заключения и ссылок он пронес драгоценную для него оловянную ложку, на которой заключенными была выцарапана надпись «Епископ Онисим». За обедом он всегда пользовался ею и всегда брал ее с собой в предвидении нового следствия и заключения. Но на этот раз он не стал брать эту ложку с собой, так как

понял, что конца этому следствию не будет, не будет ни заключения в лагере, ни ссылки, а будет сразу Царствие Небесное – оставалось всего лишь в последний раз потрудиться и пострадать со Христом, чтобы навечно быть с Ним.

Допрос состоялся на следующий день после ареста в самый день празднования Рождества Христова.

– Расскажите подробно следствию о вашей практической контрреволюционной деятельности.

Контрреволюционной деятельностью я не занимался и не намерен заниматься. Я был судим за рассказ о своей жизни в Соловецком лагере. В этом никакого преступления я не усматриваю, тем более что плохого я об этой жизни не говорил.

В последующие дни были вызваны два свидетеля – священник и мирянин; они показали: «В ноябре 1937 года в газете “Известия” была помещена статья под заглавием “Церковники и сектанты на службе у фашистов”. По этому поводу Пылаев заявил, что газетам современным верить нельзя, пишут разную чепуху и ложь, никаких шпионов в нашей среде нет. Все эти шпионы и диверсанты выдуманы для того, чтобы оправдать поголовные аресты населения и священнослужителей. В том же месяце Пылаев говорил, что сейчас везде советская власть проводит аресты, скоро вся Россия превратится в концлагеря, и везде подбирают нашего брата. Пылаев заявил, что у большевиков вообще антирелигиозная пропаганда характеризуется жестокостями: схватить, посадить, сослать и так далее. Пылаев по случаю награждения товарища Ежова орденом Ленина заявил, что Ежова наградили за то, что он давит нашего брата».

11 января 1938 года следствие было закончено, и епископ был переведен в тюрьму в город Архангельск. 13 января тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Епископ Онисим (Пылаев) был расстрелян 27 февраля 1938 года в Архангельске и погребен в неизвестной общей могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 269-282